

И.И. Матвеева

Сафронов

Персонаж повести А.П. Платонова «Котлован». Уже с самого начала строительства котлована показывает себя «наиболее активным из мастеровых». У него «вежливо-сознательное лицо», «улыбка загадочного разума», «рыжие усы», которые «росли даже у губ». В отличие от Вощева, Сафронов редко задумывается о смысле жизни. Он всецело доверяет партийным лозунгам и призывам. «Единогласная душа» — так называет его Жачев. Сафронов оказывается среди строителей котлована, потому что решает воплотить на практике лозунг партии о построении коммунистического общества. Счастливое будущее он представляет согласно библейской традиции днем после второго пришествия — «в виде синего лета, освещенного неподвижным солнцем».

Сафронов наивно полагает, что пролетариат имеет преимущества не только перед крестьянством и интеллигенцией, но и перед чиновничеством. Пашкину, обещавшему рабочим за ударный труд льготы по профсоюзной линии, Сафронов говорит: «А откуда же ты льготы возьмешь?.. Мы их вперед должны сделать и тебе передать, а ты нам».

Уверенность и революционная активность Сафронова отражены в его речи, он говорит в грубоватой манере: «Мы ихнюю отсталость сразу в активность вышибем», «я этих пастухов и писцов враз в рабочий класс обращаю...»

Строя общепролетарский дом, Сафронов не забывает и о личных интересах. По словам автора, в нем «идея находилась в окружении житейских страстей». Вообще Сафронов — наиболее противоречивая фигура на котловане. Он нередко идет на сделки с совестью. Например, с едкой иронией благословляет рвущегося к власти Козлова после того, как тот пригрозил Сафронову разоблачением его прошлых ошибок. «Прощай, — сказал ему Сафронов, — ты теперь как передовой ангел от рабочего состава в виду вознесения его в служебные учреждения...»

Сафронов честолюбив и завистлив, не любит умных людей, ревниво относится к чужим успехам. «Откуда это у товарища Чиклина мировое представление получилось... или он особое лобзание в малолетстве имел, что лучше ученого предпочитает овраг! Отчего ты, товарищ Чиклин, думаешь, а я с товарищем Прушевским хожу, как мелочь среди классов, и не вижу себе улучшенья...»

С приходом на котлован новых неквалифицированных рабочих, переученных «городских служащих, разных степных отшельников и людей, привыкших идти тихим шагом позади трудящейся лошади», Сафронов все чаще изображает на своем лице «определенное выражение превосходства», ходит «легкой руководящей походкой» и высказывает свои незрелые туманные мысли с помощью политических лозунгов и газетных штампов. «Ты, товарищ Чиклин, пока воздержись от своей декларации, — с полной значительностью обратился Сафронов. — Вопрос встал принципиально: и его надо класть обратно по всей теории чувств и массового психоза...»

Постепенно Сафронов все более стремится возвыситься над прежними товарищами: поучает их, изображая «морщинистую мысль жалости к отсталому человеку», и даже поощряет физические наказания «несознательных» членов артели. «Вот еще надлежало бы товарищу Вощеву приобрести от Жачева карающий удар... а то он один среди пролетариата не знает, для чего ему жить». Чтобы увереннее действовать, он предлагает установить в бараке радио «для заслушанья достижений и директив».

Сафронов считает своей обязанностью поддерживать в себе и окружающих радостный энтузиазм. Он принимает на веру любые, даже самые абсурдные лозунги, которые изрыгает установленный Пашкиным репродуктор («Товарищи, мы должны мобилизовать

крапиву на фронт социалистического строительства», «Мы должны обрезать хвосты и гривы у лошадей»). При этом Сафронов жалеет лишь о том, «что он не может говорить обратно в трубу, дабы там слышно было об его чувстве активности, готовности на стрижку лошадей и о счастье». Долгими осенними вечерами он и сам начинает вещать «вместо радио», находя для себя удовольствие в бурном потоке слов перед молчаливой полузабывшейся артелью. Речь Сафронова сильно изменилась, он произносит развернутые поучительные монологи, где просторечие удивительным образом уживается с политической, деловой и научной лексикой: «У кого в штанах лежит билет партии, тому надо непрерывно заботиться, чтобы в тебе был энтузиазм труда. Вызываю вас, товарищ Вошев, соревноваться на высшее счастье настроенья».

Постепенно Сафронов присваивает себе право высказываться от лица всей артели, пытается формулировать общие мысли. Например, с появлением на котловане девочки Насти, которую все, и сам Сафронов, воспринимают как «элемент будущего», как грядущее счастливое поколение, Сафронов так определяет всеобщее чувство: «Товарищи!.. Перед нами лежит без сознания фактически житель социализма. Из радио и прочего культурного материала мы слышим лишь линию, а щупать нечего. А тут покоится вещество сознания и целевая установка партии — маленький человек, предназначенный состоять всемирным элементом! Ради того нам необходимо как можно внезапней закончить котлован, чтобы скорей произошел дом и детский персонал огражден был от ветра и простуды каменной стеной».

Сафронов, желая на деле доказать свою активность, по призыву товарища Пашкина едет в деревню вести «классовую борьбу против деревенских пней капитализма». Он намерен «кончать зажиточных паразитов», но эта непримиримость оборачивается для него трагедией: крестьяне убивают Сафронова.